

Парижское приключение / новелла

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Парижское приключение / новелла ПАРИЖСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Найдется ли на свете чувство более острое, чем женское любопытство? О, узнать, увидеть, потрогать то, о чем мечталось! Чего только не сделает женщина ради этого! Когда ее нетерпеливое любопытство задето, она пойдет на какое угодно безумие, на какую угодно неосторожность, проявит какую угодно смелость, не отступит ни перед чем. Я говорю о настоящих женщинах, о женщинах, ум которых представляет собою ящик с тройным дном; с виду это ум рассудительный и холодный, но три его потайных отделения наполнены: первое — вечно возбужденным женским беспокойством, второе — притворством под маской прямоты, притворством, свойственным ханжам, полным софистики и весьма опасным; и, наконец, последнее — очаровательной наглостью, прелестным плутовством, восхитительным вероломством — всеми теми извращенными свойствами, которые толкают на самоубийство глупо доверчивых влюбленных и восхищают остальных мужчин.

Женщина, приключение которой я хочу рассказать, была до того времени скучно добродетельной провинциалочкой. Ее внешне спокойная жизнь проходила в семье, делясь между занятым мужем и двумя детьми, которым она была примерною матерью. Но сердце ее трепетало неудовлетворенным любопытством, жаждою неизвестного. Она беспрестанно грезилась о Париже и с жадностью читала великосветские журналы. От описаний празднеств, туалетов, развлечений ее желания разгорались все больше и больше, но особенно таинственно волновали ее «отголоски», полные намеков, полуприкрытых искусными фразами, за которыми угадывались широкие просторы преступных и губительных наслаждений.

Издали Париж представлялся ей в каком-то апофеозе великолепной

и порочной роскоши. И в долгие ночи, отдаваясь мечтам под мерное храпение мужа, который, повязав фуляром голову, спал на спине рядом с нею, она грезилась о знаменитостях, чьи имена, как яркие звезды на темном небе, появлялись на первых страницах газет; она рисовала себе их безумную жизнь, полную постоянного разврата, сладострастных античных оргий и такой сложной и утонченной чувственности, что она даже не могла себе представить.

Парижские бульвары казались ей какими-то безднами человеческих страстей, а дома вдоль этих бульваров, несомненно, скрывали необычайные любовные тайны.

Между тем она чувствовала, что стареет. Она старела, ничего не узнав о жизни, кроме тех правильных, до отвращения однообразных и пошлых занятий, которые создают, как принято говорить, семейное счастье. Она была еще красива, потому что сохранилась в этой покойной обстановке, как зимний плод в запертом шкафу; но ее точили, снedaли и будоражили тайные страсти. Она спрашивала себя: неужели ей так и придется умереть, не изведав всех этих проклятых упоений, не бросившись с головой хоть раз — один только раз! — в этот водоворот парижского сладострастия?

С большою настойчивостью подготовила она поездку в Париж, нашла предлог, добилась приглашения от парижских родственников и, так как муж не мог сопровождать ее, уехала одна.

Тотчас по приезде она придумала такие поводы, которые позволяли бы ей в случае надобности отлучиться из дому дня на два, или, вернее, на две ночи, если б это понадобилось: она встретила, по ее словам, друзей, живших в окрестностях Парижа. И она принялась за поиски. Она обегала бульвары, но не увидела ничего, кроме бродячего и зарегистрированного полицией порока. Она испытующе заглядывала в большие кафе, внимательно прочитывала переписку в Фигаро, отдававшуюся в ее душе каждое утро, как звон набата, призывом к любви.

Но ничто не наводило ее на след грандиозных оргий в мире художников и актрис; ничто не раскрывало перед нею храмов распутства, которые рисовались ей запечатленными магическим словом, как пещера Тысячи и одной ночи или как римские

катакомбы, где скрытно свершались когда-то таинства преследуемой религии.

Ее родственники, мелкие буржуа, не могли познакомить ее ни с кем из тех знаменитостей, чьи имена жужжали в ее мозгу, и, отчаявшись, она думала уже об отъезде, как вдруг на помощь ей подоспел случай.

Однажды, проходя по улице Шоссе д'Антен, она остановилась у витрины магазина с японскими вещами, расписанными столь ярко, что они веселили глаз. Она рассматривала комические фигурки из слоновой кости, высокие вазы с пламенеющей эмалью, причудливую бронзу, как вдруг внутри магазина увидела хозяина, почтительнейше показывавшего какому-то толстому, маленькому, лысому человеку с небритым подбородком большого пузатого фарфорового уroda – уникальную вещь, по его словам.

И в конце каждой фразы торговца звенело, как призыв рога, имя любителя, знаменитое имя. Остальные покупатели, молодые женщины, изящные господа, взглядывали искоса и быстро, но вполне благопристойно и с видимым почтением на прославленного писателя, увлеченно рассматривавшего фарфорового уroda. Они были безобразны оба, безобразны, как два родных брата.

Торговец говорил:

– Только вам, господин Жан Варен, я уступлю эту вещь за тысячу франков; ровно столько я сам за нее дал. Для всех прочих цена будет тысяча пятьсот; но я особенно дорожу покупателями из мира художников и писателей, и для них у меня особые цены. Они все у меня покупают, господин Варен. Вчера господин Бюснах купил большой старинный кубок. На днях я продал пару подсвечников в этом роде – не правда ли, как они хороши? – господину Александру Дюма. Знаете, если бы эту вещь, которую вы держите в руках, увидел господин Золя, то она была бы уже продана, господин Варен!

Писатель колебался в нерешительности: вещь его соблазняла, но он думал о цене; на взгляды окружающих он не обращал никакого внимания, словно был один в пустыне.

Она вошла в магазин, трепеща, глядя на писателя с неприличной пристальностью и даже не спрашивая себя, красив ли он, молод ли, изящен ли. То был Жан Варен, сам Жан Варен!

После долгой борьбы и скорбной нерешительности он поставил фигуру обратно на стол.

– Нет, это чересчур дорого, – сказал он.

Торговец удвоил свое красноречие:

– Вы говорите дорого, господин Жан Варен? Да за это не жалко две тысячи выложить, как одно су.

Писатель, не отрывая взгляда от уродя с эмалевыми глазами, печально возразил:

– Я не говорю, что вещь не стоит этих денег; но для меня это дорого.

Тут, схваченная вдруг безумною смелостью, она выступила вперед:

– А сколько вы возьмете с меня за этого человечка?

Торговец с удивлением ответил:

– Тысячу пятьсот франков, сударыня.

– Я беру его.

Писатель, до этого даже не заметивший ее, вдруг обернулся. Прищуриль глаза, он окинул ее с головы до ног взглядом наблюдателя, а потом в качестве знатока оценил ее во всех подробностях.

Возбужденная, загоровшаяся внезапно вспыхнувшим пламенем, до тех пор дремавшая в ней, она была очаровательна. Да к тому же женщина, покупающая мимоходом вещицу за полторы тысячи франков, не первая встречающаяся.

Вдруг она ощутила порыв восхитительной совестливости и, обернувшись к нему, сказала дрожащим голосом:

– Простите, сударь, я, должно быть, чересчур поспешила; вы, быть может, еще не сказали последнего слова.

Он поклонился:

– Я сказал его, сударыня.

Но она взволнованно отвечала:

– Словом, сударь, если сегодня или позже вам захочется изменить решение, то эта вещица принадлежит вам. Я только потому ее и купила, что она вам понравилась.

Он улыбнулся, явно польщенный.

– Откуда же вы меня знаете? – спросил он.

Тогда она заговорила о своем преклонении перед ним, назвала его произведения, стала даже красноречивой.

Чтобы удобнее было разговаривать, он облокотился на какой-то шкаф и, пронизывая ее острым взглядом, старался понять, что она собой представляет.

Время от времени владелец магазина, обрадованный этой живой рекламой, кричал с другого конца лавки, когда входили новые покупатели:

— А вот взгляните, господин Жан Варен, разве это не прелестно? И тогда все головы поднимались, и она дрожала от удовольствия, что ее видят в непринужденной беседе со знаменитостью.

Наконец, совсем опьянев, она решилась на крайнюю дерзость, подобно генералу, приказывающему идти на приступ.

— Сударь, — сказала она, — сделайте мне большое, очень большое удовольствие. Разрешите мне поднести вам этого урода на память о женщине, страстно вам поклоняющейся и которая виделась с вами всего десять минут.

Он отказался. Она настаивала. Он противился, забавляясь и смеясь от всего сердца.

Тогда она сказала упрямо:

— Ну в таком случае я тотчас же отвезу его к вам. Где вы живете?

Он отказался сообщить свой адрес, но она узнала его от торговца и, заплатив за покупку, бросилась к фиакру. Писатель побежал за нею вдогонку, не желая, чтобы у присутствующих создалось впечатление, что он принимает подарок от незнакомого лица. Он настиг ее, когда она садилась в экипаж, бросился за ней и почти упал на нее — так его подбросило тронувшимся фиакром; затем уселся рядом с нею, весьма раздосадованный.

Сколько он ни упрашивал, ни настаивал, она оставалась непреклонной. Когда они были у его подъезда, она изложила ему свои условия.

— Я согласна, — сказала она, — не оставлять у вас этой вещи, если вы сегодня будете исполнять все мои желания.

Это показалось ему настолько забавным, что он согласился.

Она спросила:

— Что вы делаете обычно в этот час?

Поколебавшись, он сказал:

– Прогуливаюсь.

Тогда решительным тоном она приказала:

– В Лес!

И они поехали.

Она потребовала, чтобы он называл ей по именам всех известных, в особенности же – доступных женщин, со всеми интимными деталями их жизни, привычек, обстановки и пороков.

Вечерело.

– Что вы обычно делаете в это время? – спросила она.

Он ответил смеясь:

– Пью абсент.

И она с полной серьезностью сказала:

– В таком случае поедemте пить абсент.

Они вошли в одно из известных кафе на больших бульварах, где он часто бывал и где встретил нескольких собратьев по перу. Он всех их представил ей. Она была без ума от радости. И в ее голове беспрестанно раздавалось: «Наконец-то, наконец!»

Время бежало; она спросила:

– В этом часу вы, вероятно, обедаете?

Он отвечал:

– Да, сударыня.

– В таком случае поедemте обедать, сударь.

Выходя из ресторана Биньон, она сказала:

– Что вы делаете по вечерам?

Он пристально взглянул на нее.

– Смотря по обстоятельствам; иногда я отправляюсь в театр.

– Отлично, сударь, поедemте в театр.

Они пошли в Водевиль, где благодаря ему им предложили бесплатные места, и – о верх славы! – весь зал видел ее рядом с ним, в креслах балкона.

Когда представление кончилось, он галантно поцеловал ей руку:

– Мне остается поблагодарить вас, сударыня, за восхитительный день...

Она прервала его:

– А что вы обычно делаете ночью?

– Но... но... я возвращаюсь домой. Она нервно засмеялась.

– Ну, что ж, сударь, поедemте к вам домой.

И больше они не разговаривали. Порою она дрожала с головы до ног, желая и бежать и остаться, но все же твердо решив в глубине души идти до конца.

На лестнице она цеплялась за перила, так сильно возрастало ее волнение, а он шел вперед, отдуваясь, с восковой спичкой в руке.

Очутившись в комнате, она быстро разделась, скользнула в постель, не говоря ни слова, и ждала, прижавшись к стене, Но она была неопытна, как только возможно для законной жены провинциального нотариуса, а он был требовательнее трехбунчужного паши. Они не поняли друг друга, совершенно не поняли.

И он уснул. Ночь проходила, и тишину ее нарушало лишь тикание стенных часов; неподвижно лежа, она думала о своих супружеских ночах и с отчаянием смотрела на этого, спавшего рядом с нею на спине, под желтым светом китайского фонарика, маленького, шарообразного человечка, чей круглый живот выпячивался из-под простыни, словно надутый газом баллон. Он храпел, как органная труба, с протяжным фырканием и смешным клокотанием в горле. Два десятка волос, утомленные за день своим приглаженным положением на голом черепе, который они должны были прикрывать, воспользовались теперь его сном и топорщились во все стороны. Струйка слюны стекала из угла его полуоткрытого рта.

Наконец сквозь опущенные занавески чуть проглянул рассвет. Она встала, бесшумно оделась и уже приоткрыла было дверь, но скрипнула задвижкой, и он проснулся, протирая глаза.

Несколько секунд он не мог прийти в себя; затем, припомнив все случившееся, спросил:

– Как, вы уходите?

Она стояла, смущенная, и прошептала:

– Да, уже утро.

Он сел на постели.

– Послушайте, – сказал он, – я тоже хочу вас кое о чем спросить.

Она молчала, и он продолжал:

– Вы крайне удивили меня вчера. Будьте откровенны, признайтесь, зачем вы все это проделали? Я ничего не понимаю. Она тихонько подошла к нему, краснея, как молоденькая девушка. – Я хотела узнать... порок... ну, и... ну, и это совсем не забавно! Она выбежала из комнаты, спустилась с лестницы и бросилась на улицу.

Целая армия метельщиков подметала тротуары и мостовые, сбрасывая с них весь сор в сточные канавы. Одинаковым размеренным движением, напоминавшим движение косцов в поле, они гнали сор и грязь полукругом перед собою. Проходя улицу за улицей, она видела вновь и вновь, как они движутся тем же автоматическим движением, словно паяцы, заведенные одною пружиной.

Ей показалось, что и в ее душе сейчас вымели нечто, сбросили в сточную канаву, в канализационную трубу все ее экзальтированные мечты.

Она вернулась домой, запыхавшись, иззябнув и не ощущая в сознании ничего, кроме этого движения щеток, подметающих Париж по утрам.

И как только она очутилась в комнате, она зарыдала.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 22 декабря 1881 года под заглавием «Испытание» («Une epreuve»).

«Отголоски» – отдел особой хроники, насыщенной скандальными сплетнями, в буржуазной прессе.

Переписка в «Фигаро». – Имеется в виду отдел объявлений газеты, в частности объявления и переписка лиц, желающих вступить в брак.

Пещера Тысячи и одной ночи – намек на ту сказочную пещеру, которая разверзлась по призыву: «Сезам, откройся!»

Бюснах (1832 – 1907) – французский драматург, инсценировавший многие романы Золя.

Александр Дюма (1824 – 1895). – Речь идет о Дюма-сыне, французском драматурге, принадлежавшем к числу друзей Мопассана.

В Лес! – см. примечание к новелле «Верхом».

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП
«Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской. Некаýalar